

Продвижение цемента для мощения дорог преследовало цель не только облегчить переезд почтенного учителя в Линьнань, но и принести уезду немалую выгоду.

Цзян Умянь давно заглядывался на пристань префектуры Нанькан, но в казне уезда гулял ветер, так что подступиться к строительству не получалось. Теперь же следовало представить цемент провинциальной администрации как вещь первой необходимости для казённых нужд.

Если наладить постоянное производство и сбыт, заполучив столь надёжного покупателя, государственная казна уезда будет обеспечена непрерывным притоком серебра. Тогда развитие Шаоюаня перестанет зависеть исключительно от рудников, и у них всегда останется надёжный путь к отступлению.

«Лунная изморозь» шла как дань императорскому двору, цемент станет незаменимым материалом для нужд чиновников, а бумажная мастерская и опытные партии вин — Санло, османтусового и тростникового — послужат заманчивой вывеской. С таким подспорьем торговое древо Шаоюаня наконец пустит крепкие корни.

Замыслы были хороши, однако одно событие нарушило этот стройный план.

Кое-кто возжелал выкупить секретный рецепт Павильона Пьяной Зари. И просителем оказался не посторонний человек, а проводник Юй Чэнвэнь, который безвылазно столовался здесь добрых полмесяца.

Другие караваны везли из Шаоюаня благовония, шёлк да искусную вышивку, но Юй Чэнвэня интересовала исключительно еда. Обычно он двигался с севера на юг, пробуя местные яства, и спешил вернуться в родные края до зимних холодов. Здесь же он застрял на целых две недели. Даже Ху Чжэн, уходивший в горы ради закупки пряностей, уже вернулся, а этот всё никак не собирался в дорогу.

Более того, своё нескромное предложение он высказал как раз тогда, когда Ху Чжэн прикидывал, в какой день лучше подать визитную карточку, чтобы обсудить покупку плугов для заливных полей.

Пока один раздумывал, Юй Чэнвэнь, уловив мгновение, обратился к управляющему Лу со своим «нескромным прошением»:

— Управляющий Лу, я пришёл с чистыми намерениями и искренне надеюсь на сделку. Пожалуйста, передайте мои слова хозяину.

Ху Чэнь, стоявший рядом, тихо охнул. Будучи признанным повесой из семьи Ху, он прекрасно понимал, что такое кулинарный рецепт. Это основа благосостояния рода, его нерушимая тайна, которую не купишь ни за какое золото.

Взять, к примеру, семейство Ху: их трактиры держались на плаву лишь благодаря секретам предков. И мужчины, и женщины их клана не смели показаться на людях, пока досконально не освоят поварское искусство.

Семья Юй, конечно, имела кое-какой вес, но тягаться богатством с кланом Ху им было не под силу. Пожалуй, на такую покупку у них ушла бы вся прибыль каравана за пять лет.

И то, скорее всего, управляющий ответил бы отказом.

Лицо управляющего Лу на миг окаменело. Он ещё не научился, подобно старым управляющим семьи Ху, сохранять абсолютное бесстрашие при любых обстоятельствах, и в его глазах промелькнула тень гнева. Забыв о приличиях и былых приятельских отношениях с гостем, он сухо ответил:

— Ваша просьба будет передана хозяину.

Ху Чэнь незаметно закатил глаза и шепнул Ху Чжэну:

— Второй брат, у этого второго сына семьи Юй совсем голова не варит? С чего он решил, что ему продадут главный рецепт заведения?

А метил Юй Чэнвэнь не куда-нибудь, а на гордость Павильона Пьяной Зари — блюда в кисло-сладком соусе.

Новые кушанья в заведении сменяли друг друга в зависимости от сезона, но кисло-сладкое меню оставалось неизменным. В любое время года эти блюда красовались на почётном месте.

Лу Юй даже переписал эти рецепты в отдельную тетрадь, которая всегда лежала у него под рукой, приковывая взгляды гостей.

Ху Чэнь прикинул в уме, что пятилетнего дохода каравана как раз хватило бы на эту заветную книжицу.

Ху Чжэн промолчал, но про себя рассудил иначе: пожалуй, пяти лет упорного труда не хватило бы даже на один-единственный рецепт из этого списка.

Впрочем, Цзян Умянь не принадлежал к тем, кто готов променять бесценные знания на горсть серебра. Если Юй и хотел получить желаемое, ему пришлось бы предложить взамен нечто равноценное.

Выслушав доклад Лу Юя, Цзян Умянь распорядился:

— Передай проводнику Юю, пусть подождёт. Дело это важное, затрагивает заветы предков, так что решение мы примем не сразу.

Лу Юй поклонился и вышел. У Цзян Умяня в голове уже зрел план, пусть и рассчитанный на далёкое будущее.

Сейчас главным было решить: стоит ли вообще соглашаться, и если да, то на каких условиях? Что можно выменять на эти рецепты?

Продать за звонкую монету — самый недальновидный шаг. Разовая сделка не принесёт уезду долгосрочной пользы, куда лучше пустить дело тонким, но неиссякаемым ручейком.

К тому же караван семьи Юй уступал размахом клану Ху. Свободных средств у них было немного.

Если бы Цзян Умяню действительно понадобились быстрые деньги, он устроил бы открытые торги. С его запасом рецептов из восьми великих кулинарных школ Китая он мог бы безбедно жить до самого окончания службы в Шаоюане.

Он углубился в записи об этой семье.

«Семья Юй промышляет перепродажей товаров. Поднялись поздно. Изначально были торговцами зерном на севере, но дела не заладились, и они переключились на торговлю жилами, рогами и кожами...»

Слова «поднялись поздно» были лишь вежливым оборотом. По сути, караваном заправлял отец Юй Чэнвэня, который от безысходности подался на юг, хватаясь за любые мелкие сделки.

— Как прикажете поступить, господин судья? — поинтересовался советник Чжан, раздумывая о насущных проблемах уезда. — Может, стоит через этот караван распространить наши условия для переселенцев?

«План привлечения талантов» — так теперь официально именовалась эта кампания. Цзян Умянь вместе с советниками основательно переписал её условия, сохранив суть, но сделав требования куда мягче.

Проект утвердили совсем недавно, и запустить весть о нём вместе с караванами казалось отличной мыслью. Но потянутся ли люди в столь глухой край, как Линьнань?

С незапамятных времён эти земли служили местом ссылки. Сумеют ли переселенцы привыкнуть к местному зною и непривычному укладу жизни — большой вопрос.

— Нет, этого мало, — возразил Цзян Умянь, доставая заранее подготовленный торговый договор. — Рецепты мы им не отдадим. Но открыть Павильон Пьяной Зари в столице на паях с семьёй Юй — дело вполне осуществимое.

По условиям соглашения, Юй брали на себя все расходы по поиску места, найму людей и обустройству заведения, получая половину прибыли. Цзян Умянь со своей стороны предоставлял технологию и поваров, забирая оставшиеся пятьдесят процентов. При этом за ним оставалось нерушимое право управления: в случае любых разногласий последнее слово всегда оставалось за ним.

Получив этот свиток с невиданными условиями, Юй Чэнвэнь крепко задумался. В торговых делах он не отличался особым чутьём, а потому поспешил призвать настоящего предводителя каравана, чтобы держать совет.

Цзян Умянь тем временем перешёл к следующим переговорам — с Ху Чжэном касательно поставок угля.

Обе стороны с самого начала стремились обменять уголь на плуги для заливных полей, так что согласие было достигнуто быстро. Теперь речь шла о долгосрочном сотрудничестве: как вести дела дальше, на каких условиях расторгать договор и какой срок признать наилучшим.

В итоге половина угля, привезённого караваном Ху, ушла по старым обязательствам, а вторая половина была передана уездной управе в рамках пятилетнего соглашения.

Отныне каждый год караван Ху должен был доставлять в Шаоюань уголь, а увозить новые плуги.

Цзян Умянь, ценя Ху Чжэна как своего первого крупного партнёра, лично разъяснил ему тонкости сборки корпуса плуга и крепления остальных деталей.

Остальные секреты пусть разгадывают сами. Уездный судья и без того проявил излишнюю щедрость, выйдя за рамки уговора исключительно ради добрых отношений.

— Господин судья, не сочтите за дерзость, нельзя ли заказать ещё половину судна? — спросил Ху Чжэн, надеясь выгадать дополнительную прибыль.

— Сроки поджимают, люди работают на пределе возможностей, — отрезал Цзян Умянь.

Он говорил чистую правду, умолчав лишь о том, что другие торговцы уже почуяли выгоду и спешили в Шаоюань. Нельзя было отдавать весь товар одному каравану и лишать себя связей с другими торговыми путями.

Едва Ху Чжэн откланялся, уездная управа заключила несколько сделок с мелкими купцами,

связав их годовыми обязательствами.

Семья Юй в конце концов ответила отказом. Слишком много подводных камней таило в себе открытие Павильона Пьяной Зари в столице, и они побоялись ввязываться в дело, где их права были столь ограничены.

Дни летели в трудах: Цзян Умянь готовил дороги к мощению цементом и руководил строительством кирпичных домов. Незаметно подкралось начало зимы, а вместе с ним пришла пора собирать урожай с тех пяти му экспериментальной пашни!

В отличие от северных земель, где жатва заканчивается в августе, в Шаоюане рис убирали ближе к Лидуну — началу зимы. Местный климат позволял собирать по два урожая в год, и сейчас крестьяне спешили убрать поздний рис.

Для простого люда не было дела важнее жатвы, но особое любопытство вызывали те пять му земли, над которыми так усердно колдовал уездный судья.

Все труды господина Цзяна за этот год были у жителей как на ладони: чудо-плуги, ровные цементные дороги в городе и за его пределами, мастерские, обжигающие кирпич и черепицу... Каждый его шаг приносил уезду ощутимую пользу.

Что же принесёт им этот клочок земли?

Вся префектура Нанькан затаила дыхание в ожидании.

Цзян Умянь частенько возвращался из поездок с ворохом свежих овощей, а порой нёс в руках связку свежей рыбы. Чтобы не привлекать внимания зевак, ему приходилось переодеваться в простое платье и выходить через заднюю дверь управы.

— Сегодня вам придётся облачиться в официальный халат и выйти через парадные ворота, — напутствовал его советник Линь, по-прежнему верный своему даосскому одеянию. Рядом с ним уже собрались все служащие уезда.

Здесь были начальники всех палат и стражники, а Чэнь Пин, временно исполняющий обязанности главы налоговой палаты, стоял впереди всех.

Лицо Чэнь Пина, потемневшее от загара, выражало предельную сосредоточенность:

— Господин судья, рис созрел. Пора убирать.

Цзян Умянь окинул взглядом собравшихся и не стал противиться их желанию поучаствовать в общем деле.

— Что ж, в путь.

Ему и самому не терпелось узнать, сколько цзиней зерна даст земля, сдобренная его особыми удобрениями.

Обычно в префектуре Нанькан собирали около двух даней с одного му. И это считалось хорошим показателем, тогда как в Шаоюане дела обстояли куда хуже. К тому же экспериментальный участок господина Цзяна был на редкость бесплодным. Если удастся сравняться со средним урожаем префектуры — это уже станет победой.

Цзян Умянь даже в голодные годы постапокалипсиса не видел столь скудных сборов. В прежнем мире нормальным результатом считалась тысяча цзиней с му, а в худшие времена — никак не меньше восьмисот.

Две дани — это едва ли двести цзиней. Ничтожно мало.

Конечно, дело было в качестве семян, но и правильная подкормка играла огромную роль. Разумеется, в Великой Чжоу знали об удобрениях, но пользовались ими без всякой системы.

Рецепт Цзян Умяня уступал химическим составам его прежней эпохи, но всё же был куда прогрессивнее местных методов.

Жатва шла споро — крестьяне торопились управиться до начала затяжных дождей. Чэнь Пин первым ступил в поле, и вскоре все пять му были сжаты. Зерно свезли на ближайший ток деревни Чэньцзя.

Окрестные крестьяне, прознав о небывалом событии, потянулись к току. Служащие налоговой палаты, сжимая в руках писчие кисти, заметно нервничали.

Для каждой семьи рис был основой жизни. Если новые удобрения дадут богатый урожай, крестьяне не пожалеют сил на их заготовку.

Участок разделили на три части для точного подсчёта: два му, усыпанных камнями; один му, где камни перемежались с сорной травой; и два му, густо заросших зеленью.

Но как бы ни делили эту землю, факт оставался фактом: все пять му были заброшенным, бесплодным пустырем, распаханном впервые за многие годы!

На подобных землях крестьяне в лучшем случае собирали сорок цзиней с му, а в худшем — опускали руки и бросали пашню. Ибо предел её плодородия не превышал сорока пяти цзиней.

И вот на этом самом пустыре, худшем из худших, урожай достиг невероятных девяноста трёх

цзиней с одного му! Почти целая дань с бесплодной земли в первый же год возделывания!

<http://bllate.org/book/19045/1986996>